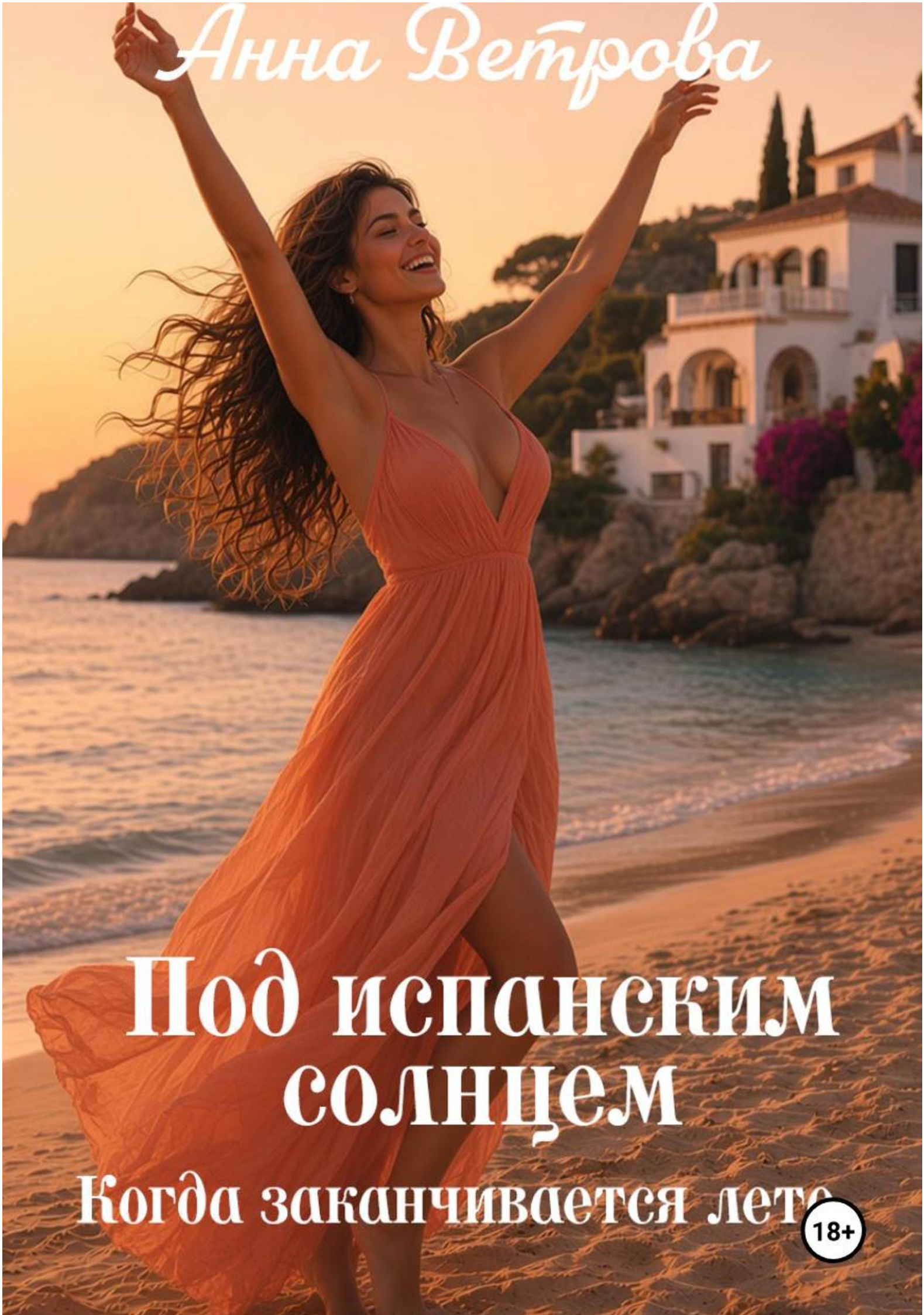

Анна Ветрова
Под испанским солнцем
Когда заканчивается лето
18+

Анна Ветрова

Когда заканчивается лето

«Автор»
2026

Ветрова А.

Когда заканчивается лето / А. Ветрова — «Автор», 2026

Она танцевала босиком на краю моря — и не собиралась останавливаться.Лусия Вега умеет всё: организовать свадьбу на триста человек, влюбить в себя любого, уйти, не оглядываясь. Она не умеет одного — оставаться. Диего Монтес умеет всё наоборот: держать, спасать, не отпускать. Их любовь началась как фейерверк и чуть не сгорела за одно лето.Дом у моря, белые завтраки на террасе, тёплый ветер и обещание, что теперь всё будет иначе. Но прошлое возвращается — с чужими именами в телефоне, с подписанными бумагами, с женщиной, которая слишком хорошо знает Диего. И с мужчиной, который слишком хорошо знает Лусию.Это роман о том, что любовь — не клетка и не свобода. Это выбор, который делают каждый день. И о лете, которое заканчивается, чтобы началось что-то большее.

© Ветрова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дом у моря 5
Глава 2. Обыкновенное счастье 12
Глава 3. Марина возвращается 19
Глава 4. Невысказанное 26
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Анна Ветрова
Когда заканчивается лето

Глава 1. Дом у моря

Дом они нашли не сразу. Сначала были три недели поисков, десяток вилл, показанных с улыбками риелторов, и один вечер, когда Лусия, раздражённая очередным мраморным холлом с хрустальной люстрой, села на ступеньки чужого крыльца и объявила, что лучше жить в палатке. Диего засмеялся, сел рядом и сказал: "Тогда ищем палатку с видом на море". Через два дня они увидели её.

Дом стоял на холме над Марбельей, в стороне от дороги, за старой каменной оградой, обвитой плетями бугенвиллеи. Белый, двухэтажный, с красной черепичной крышей, с длинной террасой, обращённой к морю, и садом, где росли апельсины, гранаты и одна огромная смоковница, под которой хозяин-англичанин когда-то читал газеты. В доме пахло деревом, нагретой известью и немного лавандой. Полы были из тёмной обожжённой плитки, окна большие, до самого пола, а в комнате на втором этаже, с видом на бухту, нашлась маленькая дверь, ведущая на крышу.

- Здесь будет мой кабинет, - сказала Лусия, едва переступив порог.

- Ты ещё не посмотрела остальное.

- Мне не нужно. Я уже решила.

- А кухня?

- Кухня твоя. Только не заставляй меня готовить.

- Я не заставляю. Я приглашаю мешать.

Она обернулась, и он увидел, как загорелись её глаза: она была такая, какой он любил её больше всего, решительная, быстрая, живая. Он взял её за руку и вывел на террасу. Внизу, за кронами пиний, лежало море, огромное и спокойное, и по нему ползла белая точка парусника.

- Нравится?

- Да.

- Тогда берём.

- Просто так?

- Просто так.

Хозяин, пожилой англичанин с седой бородкой и в мятой панаме, ждал во дворе. Услышав решение, он снял очки, протёр их краем рубашки и сказал, что давно не видел, чтобы дом выбирали так быстро.

- Обычно приходят с адвокатами и сомнениями, - признался он. - А вы будто домой вернулись.

- Может, и вернулись, - ответила Лусия.

***

Переезд занял три дня и превратился в маленький праздник хаоса. Вещи Лусии приехали из Севильи в двенадцати коробках, и ещё пять привезли с Майорки: платья, книги, фотографии в рамках, лампы, купленные на блошиных рынках и упрямо не подходившие ни к одному интерьеру. Диего перевёз из прежней виллы только повара: старую чугунную сковороду, набор ножей и ящик с травами, который он берёг, как реликвию.

- Это что? - спросила Лусия, вытаскивая из коробки огромный глиняный кувшин с отбитой ручкой.

- Подарок Рауля.

- Он страшный.

- Он с характером.

- Он стоит в гостиной.

- Только в гостиной он и может стоять.

Они спорили шутя, расставляя мебель, перетаскивая диваны, переставляя лампы, и к вечеру второго дня оба так устали, что упали на пол посреди пустой комнаты и лежали, раскинув руки, глядя в потолок. Через открытое окно доносился шум прибоя и стрекот цикад, пахло сухой травой и горячим камнем.

- У нас нет кровати, - сказала Лусия.

- Есть матрас.

- На полу?

- На полу романтичнее.

- Вот когда у тебя заболит спина, вспомнишь.

- Спина болит от дивана. От матраса не болит.

- Ты знаешь, что это самая сомнительная теория за вечер?

Он повернул голову и посмотрел на неё. Она лежала рядом, в его старой рубашке, с растрёпанными волосами, с серой пылью на щеке. Он протянул руку и аккуратно стёр пыль большим пальцем.

- Ты прекрасна.

- Я грязная.

- Прекрасно грязная.

- Диего, ты ужасный человек.

- Зато честный.

Она засмеялась, перекатилась на бок и поцеловала его в уголок губ.

***

Первую ночь в новом доме они провели на том самом матрасе, брошенном прямо на пол в спальне, под открытым окном, через которое лился лунный свет. Лусия долго мылась в душе, где вода шумела так громко, что заглушала цикад, потом вышла в полотенце и остановилась в дверях, глядя на комнату: пустые стены, коробки в углу, свеча в бутылке из-под вина на подоконнике и Диего, сидящий на матрасе с двумя бокалами.

- Новоселье, - сказал он.

- Без гостей?

- Только мы.

Она подошла, села рядом, и он протянул бокал. Они чокнулись, выпили, и вино показалось ей самым вкусным из всего, что она когда-либо пробовала. Не потому что дорогое, а потому что первое здесь, в её собственном доме.

- Я думала, что никогда не скажу эти слова, - призналась она.

- Какие?

- "Мой дом".

- А теперь?

- Теперь не страшно.

Он поставил бокал на пол, повернулся к ней и осторожно потянул за край полотенца. Оно упало, и Лусия осталась перед ним нагой, освещённая свечой и луной, с мокрыми волосами, прилипшими к плечам. Её кожа, загорелая за лето, казалась тёмным мёдом, на ключицах блестели капли. Диего долго смотрел, потом протянул ладонь и медленно провёл по её плечу, по руке, по бедру.

- Я хочу запомнить тебя такой, - сказал он тихо.

- Какой?

- Здесь. В нашем доме. Без платьев и вечеринок. Просто ты.

Она потянулась и сама расстегнула его рубашку. Они целовались неторопливо, как люди, у которых впереди целая жизнь, и каждое прикосновение было новым, словно они открывали друг друга заново. Он уложил её на матрас, склонился над ней, и она притянула его к себе, гладя спину, плечи, шею. Его губы скользили по её груди, по животу, и она стонала, запуская пальцы в его волосы, выгибаясь навстречу.

Они любили друг друга долго, с тем спокойным, глубоким пониманием, которое приходит не сразу. Лунный свет скользил по их телам, свеча оплывала, где-то далеко шумело море. Лусия обняла его ногами, и он, глядя ей в глаза, двигался медленно, нежно, пока жар не поднялся от живота к груди, к горлу, и она вскрикнула, содрогнулась, вцепившись пальцами ему в плечи. Мгновением позже он выдохнул её имя, и они замерли, сплетённые, дрожащие, счастливые.

- Теперь это точно наш дом, - прошептала она.

- Теперь да.

***

Утром она проснулась одна. Матрас рядом был пуст, одеяло сбито, на подушке остался едва заметный отпечаток его головы. Лусия потянулась, прислушалась. Снизу доносились шаги, звон посуды и негромкий мотив, который напевал Диего. Она накинула его рубашку, спустилась босиком по прохладной лестнице и остановилась в дверях кухни.

Он стоял у плиты в одних шортах, с разлохмаченными волосами, и жарил что-то на старой чугунной сковороде. В кухне пахло оливковым маслом, чесноком и свежим хлебом. На столе, сколоченном из двух досок и положенном на козлы, стояли два бокала апельсинового сока и тарелка с нарезанными персиками.

- Доброе утро, хозяйка.

- Доброе. Ты встал в шесть?

- В семь. Просто тихо.

- Что это?

- Тортилья. Секретный рецепт.

- Ты всем так говоришь.

- Только тем, кого люблю.

Она подошла, обняла его со спины, прижалась щекой к лопатке. Он замер на секунду, потом накрыл её ладонь своей.

- Знаешь, что я придумал? - сказал он.

- Что?

- Мы будем завтракать на террасе каждый день. Всегда. Даже зимой.

- Зимой холодно.

- Закутаемся в пледы.

- Это план.

- Это ритуал.

Они вынесли тарелки на террасу, поставили на каменный парапет, сели на ступеньки. Утреннее солнце светило мягко, море лежало внизу блестящим полотном, над ним кружили чайки. Лусия откусила тортилью и закрыла глаза от удовольствия.

- Лучшая в мире.

- Сказала же, что не врёшь.

- Я не вру. Я просто ем.

Диего засмеялся, откинулся на локти, глядя на неё. На лице его было выражение такого покоя, что Лусия вдруг подумала: "Вот оно. Это и есть счастье. Не фейерверки, не страсть до рассвета, а утро, тортилья и человек, который смотрит на тебя, как на чудо".

Но где-то на краю сознания, едва слышно, шевельнулась тревога. Телефон Диего, лежавший на парапете, вдруг мигнул, и на экране высветилось имя. Он взглянул на него, чуть нахмурился, перевернул экраном вниз и спокойно продолжил завтракать.

***

Кармен приехала в субботу, без звонка, на стареньком мотороллере Матео, который гордо называла "Росинантом". Лусия услышала треск мотора ещё издали, выглянула из окна кабинета и увидела, как подруга, в яркой жёлтой куртке и огромных очках, лихо сворачивает на гравий. За ней, на заднем сиденье, торчала плетёная корзина, из которой выглядывали стебли розмарина и горлышко бутылки.

- Новоселье! - закричала Кармен, едва слезла с мотороллера. - Я принесла дары!

- Какие?

- Розмарин, чтоб в доме пахло уютом. Хлеб, чтоб не было голода. Соль, чтоб не было ссор. И вино, чтоб было весело.

- Ты неисправима.

- Я традиционна.

Они обнялись так крепко, что Кармен охнула. Лусия повела её по дому, показывая комнаты, и подруга ахала, трогала стены, выглядывала в окна, заглядывала в шкафы.

- Это просто сказка. Где ты нашла такой дом?

- Он нас нашёл.

- Вот этого я и боялась, - сказала Кармен, понизив голос. - Что вы оба слишком счастливы.

- Это плохо?

- Это подозрительно. В моём опыте счастье долго не живёт без маленькой драмы.

- Не накликай.

- Я не накликаю. Я предупреждаю.

В кабинете Кармен остановилась перед большой картой Средиземноморья, которую Лусия повесила на стену и утыкала цветными булавками: красными там, где проходили её мероприятия, синими там, где она хотела побывать.

- Что это?

- Мой рабочий план.

- Ты едешь в Грецию?

- Весной. Греческая свадьба на Миконосе. Заказ пришёл неделю назад.

- А Диего знает?

- Да. Он сказал: "Поезжай".

- Золото, а не мужчина.

- Он учится.

Кармен хитро прищурилась.

- А ты?

- Что я?

- Ты учишься? Чему?

Лусия засмеялась и ткнула её локтем.

- Тому, что дом - это место, куда хочется возвращаться.

***

За обедом, который Диего накрыл на террасе, Кармен рассказывала про свадьбу. Не про чужую, а про свою. Они с Матео решили не откладывать: назначили дату на следующий год, в конце лета, в маленькой церкви в горах над Рондой, где Матео в детстве проводил каникулы.

- Ты выходишь замуж? - воскликнул Диего, едва не уронив бутылку.

- А что в этом удивительного?

- Ничего. Просто... ты же говорила, что замужество это клетка.

- Говорила. Но потом поняла, что клетка бывает с открытой дверью.

- Это Лусина фраза.
- Я её позаимствовала.
- И как Матео?
- Он плакал, когда я сказала "да". Потом смущался, что плакал. Потом плакал снова.
- Великолепно, - сказала Лусия. - Я организую.
- Я надеялась на это.
- Всё: цветы, музыку, столы. Только скажи дату.
- Двенадцатое сентября.
- Записано.

Она достала из кармана блокнот и записала дату большими буквами. Диего поднял бокал.

- За Кармен и Матео.
- За вас, - подхватила Лусия.
- За нас всех, - сказала Кармен. - За то, что мы доживаем до таких дней.

Они чокнулись, и над террасой поплыл тихий звон хрусталя. Солнце клонилось к морю, и в его свете лица казались золотыми. Диего, глядя на двух женщин, смеющихся над какой-то старой шуткой, подумал, что не помнит, когда в последний раз был так спокоен.

Телефон в его кармане дрогнул.

Он достал его, взглянул на экран и на мгновение замер. Потом убрал обратно, не открывая сообщения.

- Что-то срочное? - спросила Лусия.
- Нет. Реклама.
- Реклама в субботу в шесть вечера?
- Они не отдыхают.

Она кивнула и вернулась к разговору. Но Кармен, сидевшая напротив, чуть заметно приподняла бровь и тут же опустила, будто ничего не заметила.

***

Предложение пришло на следующей неделе. Лусия узнала об этом случайно: в среду, ближе к вечеру, она вернулась с площадки раньше обычного и увидела на дорожке перед домом незнакомую машину, серебристую, с мадридскими номерами. Из дома доносились голоса. Диего говорил с кем-то в гостиной, и голос его звучал непривычно: сдержанно, чуть напряжённо.

Она остановилась на пороге, не желая мешать. Через приоткрытую дверь был виден край дивана и чья-то рука с дорогими часами.

- Это серьёзное предложение, - произнёс незнакомый мужской голос. - Четыре отеля, побережье от Малаги до Альмерии. Вы будете управляющим партнёром. Доля обсуждаема.
- Мне нужно подумать.
- Конечно. Но, сеньор Монтес, откровенно: сеньора Кортес на вас рассчитывает.
- Я понимаю.
- До пятницы?
- До пятницы.

Хлопнула дверь, зазвучали шаги. Лусия отступила в сад, спряталась за стволом смоковницы и подождала, пока серебристая машина не скроется за поворотом. Потом вошла в дом, нарочито громко хлопнув калиткой.

- Диего? Я дома!
- Привет! - Он вышел из гостиной, как всегда спокойный, с улыбкой. - Ты рано.
- Заказчик отменил встречу. Кто-то приходил?
- Заходил поставщик. Проверял заказ.
- Поставщик на машине с мадридскими номерами?

Он на миг замер.

- Ты видела?

- Конечно. Я не слепая.

- Он из Мадрида. Привозит оливковое масло для ресторана.

- Понятно.

Она прошла на кухню, налила воды, выпила залпом. Спокойно поставила стакан. Её голос оставался ровным, но внутри всё сжалось, как тугая пружина. Она слышала разговор. Слышала про "сеньору Кортес". И слышала, как Диего солгал.

"Не сейчас, - сказала она себе. - Не накручивай. Пусть объяснит сам".

- Ужин? - спросил он, подходя.

- Давай.

- Что хочешь?

- Что-нибудь простое.

- Будет простое.

Он обнял её, поцеловал в висок. Она ответила на поцелуй, но почувствовала, как внутри что-то остывает, медленно, неохотно, как угасающий костёр.

***

Вечером они ужинали на террасе, при свечах. Диего приготовил запечённую дораду с лимоном и картофелем, налил белого вина. Всё было красиво, спокойно, привычно. Они обсуждали мелочи: где повесить картину, какого цвета купить шторы в спальню, поедут ли на Менорку на выходные. Диего смеялся, рассказывал истории, подливал вино. Но Лусия заметила: он слишком старается.

Раньше он говорил меньше и честнее. Теперь слова текли гладко, слишком гладко, как вода по камню, который долго обтачивали. И когда он на секунду замолчал, глядя в сторону моря, она увидела на его лице то самое выражение, которое помнила со времён Марбельи: человека, который взвешивает, говорить ли правду.

- Диего.

- Да?

- Всё в порядке?

- Конечно.

- Точно?

- Лусия, что за вопросы?

- Просто хочу убедиться.

Он взял её ладонь, поцеловал.

- Всё хорошо. Правда.

Она улыбнулась, кивнула и допила вино. Не стала настаивать. Не потому что поверила, а потому что хотела дать ему шанс сказать самому. Она помнила их условия: никаких "забыл рассказать". Но помнила и другое: нельзя требовать честности силой. Можно только показывать, что она безопасна.

Позже, когда они лежали в постели, в той самой комнате с видом на бухту, где всё ещё пахло краской и свежим деревом, он прижал её к себе, обнял, и она почувствовала, как его сердце бьётся чуть быстрее, чем нужно для спокойного сна. Она не спросила. Только положила голову ему на плечо и смотрела в окно, где над морем мерцали звёзды.

"Это ничего не значит, - думала она. - Деловое предложение. Он расскажет, когда будет готов".

Но на дне души, там, где живут самые честные мысли, поднималось другое знание: в их общем доме, таком светлом, таком красивом, появилась первая тень. Маленькая, почти невидимая. Но тень всегда начинается с малого.

***

Утром, пока он принимал душ, она, сама не зная зачем, взяла его телефон. Не открывала, не листала, просто взяла в руки и держала, глядя на тёмный экран. Потом аккуратно положила обратно на тумбочку, ровно туда, где он лежал, и вышла на террасу.

- Я не стану, - сказала она вслух, обращаясь к морю. - Не стану. Это неправильно.

Море молчало. Над ним, как всегда, кружили чайки, и далеко, у самого горизонта, медленно двигался белый пароход. Лусия села на ступеньки, обхватила колени. Она вспомнила слова матери, сказанные когда-то давно, в Севилье, на кухне, пахнущей кофе и жареным миндалём: "Мужчина, который начинает прятать мелочи, скоро начнёт прятать большое". Она тогда рассмеялась и сказала, что мама слишком подозрительна. А теперь, в чужом, вернее, в своём собственном доме, вдруг поняла, что иногда подозрительность просто другое имя опыта.

- Лусия? - окликнул Диего из дверей. - Ты завтракать будешь?

- Иду.

Она поднялась, отряхнула платье, вошла в дом. Он стоял с чашкой кофе, мокрые волосы блестели на солнце, на лице была та самая улыбка, ради которой она готова была прощать многое. Она улыбнулась в ответ и села за стол.

- Расскажи мне про сегодня, - попросила она.

- Что рассказать?

- Просто про твой день.

- Встреча с поставщиками в одиннадцать. Потом обед с Рафаэлем. Вечером дома.

- С Рафаэлем?

- Моим помощником. Хочу обсудить меню на осень.

- Хорошо.

Она отпила кофе и посмотрела на него поверх чашки. Он не отвёл взгляд, но и не сказал ничего больше. Ни слова про Мадрид, ни слова про отели, ни слова про сеньору Кортес. И в этом молчании Лусия услышала то, чего не ожидала услышать так скоро: тихий, но отчётливый звук первой трещины.

Глава 2. Обыкновенное счастье

Они не поговорили ни в тот день, ни на следующий. Это не было молчанием обиды, скорее тихой паузой, когда оба делают вид, что всё идёт как обычно, и надеются, что неловкость растворится сама. Пятница пришла и ушла. Диего вернулся вечером задумчивый, но спокойный, сказал, что "с отелями пока ничего не решено", и больше не возвращался к теме. Лусия не расспрашивала.

А потом наступила суббота, одна из тех, что запоминаются на всю жизнь не событиями, а ощущением.

Она проснулась в восемь, от запаха свежего хлеба. Солнце заливало спальню, на тумбочке стояла чашка с остывшим чаем, окно было распахнуто настежь, и в него тянуло морем и жасмином. Диего лежал рядом, на животе, раскинув руку по её подушке, и спал так безмятежно, что Лусия невольно улыбнулась. Волосы растрепались, на щеке отпечатался шов наволочки, дыхание было ровным и глубоким.

Она тихонько коснулась пальцем его плеча. Он не шелохнулся. Провела по лопатке, по позвоночнику, остановилась в ямке на пояснице. Он пробормотал что-то невнятное и повернул голову.

- Доброе утро.

- Сколько времени?

- Восемь.

- Рано.

- Суббота.

- Тем более.

Она придвинулась, поцеловала его в плечо, и он, не открывая глаз, обхватил её за талию и притянул к себе. Они лежали, переплетённые, согретые солнцем и сном, не торопясь вставать. Её ладонь легла ему на грудь, где под тёплой кожей ровно билось сердце. Он провёл рукой по её бедру, вверх, к рёбрам, и она вздохнула, прижимаясь теснее.

- Утренняя нежность, - прошептала она. - Один из пяти видов.

- Каких пяти?

- Неважно.

Они любили друг друга лениво, нежно, с той неспешностью, которая бывает только в выходные, когда никуда не нужно идти. Простыня давно сползла на пол, и солнечные полосы от жалюзи ложились на их тела золотыми линиями. Лусия оказалась сверху, откинув волосы, и смотрела на него сверху вниз, улыбаясь так, как улыбаются только своим. Он держал её за бёдра, и в его взгляде не было ни напора, ни тревоги, только тёплая, глубокая радость. Она закрыла глаза, склонилась к нему, и дыхание их смешалось. Она засмеялась сквозь стон, потому что счастье вдруг оказалось таким огромным, что не помещалось в груди. Он обнял её, прижал к себе, и они лежали, слушая, как за окном начинает громко петь дрозд.

- Не хочу вставать, - сказала она.

- И не вставай.

- Завтрак.

- Принесу.

- Ты лучший.

- Знаю.

***

Завтракали они в постели, прямо на смятых простынях, с подносом, на котором стояли кофе, тосты, абрикосовое варенье и тарелка нарезанной дыни. Лусия ела, сидя по-турецки, в

его рубашке, и крошки сыпались ей на колени. Диего, облокотившись на подушки, читал вслух смешные заметки из местной газеты.

- "В Марбелье задержан турист, пытавшийся вывезти из отеля шесть полотенец и бронзовую статую льва", - торжественно произнёс он.

- Не может быть.

- "Турист объяснил, что лев показался ему одиноким".

Лусия расхохоталась, закашлялась, чуть не пролила кофе.

- Дай сюда.

- Не дам. Тут ещё про собаку, которая научилась открывать холодильник.

- Читай!

Они дурачились, как подростки, и день, казалось, был создан для того, чтобы длиться бесконечно. Потом пошли гулять в сад, ходили босиком по траве, срывали апельсины, обсуждали, где поставить гамак. Потом ездили в рынок за рыбой, потом готовили вдвоём, споря о том, сколько нужно соли, потом ели на террасе, и вечером, когда солнце начало садиться, лежали на траве под смоковницей, глядя на небо.

- Знаешь, - сказал Диего, - я никогда не думал, что обычная жизнь может быть такой.

- Какой?

- Спокойной. Тёплой. Без постоянной гонки.

- Я тоже.

- Тебе не скучно?

- Скучно?

- Ну, всё это. Дом, завтраки, сад. Ты же любишь шум, вечеринки, людей.

Она повернулась на бок, посмотрела на него.

- Скажу честно. Иногда скучно. Но потом я возвращаюсь домой, вижу тебя на кухне с этой дурацкой сковородой, и скука исчезает. Понимаешь?

- Понимаю.

- Это не значит, что я не хочу вечеринок. Хочу. Но теперь у меня есть куда возвращаться.

- Я рад.

- И ещё, - она положила руку ему на грудь, - не вздумай решать, что мне скучно. Если мне будет скучно, я скажу.

- Скажешь?

- Первой.

Он кивнул и поцеловал её ладонь. Над садом сгущались сумерки, цикады затянули вечернюю песню, и звёзды одна за другой зажигались в небе.

***

В понедельник Лусия уехала в Малагу. Работа ждала: новый проект, о котором она мечтала с весны. Заказчиком выступал старый винный дом, отмечавший двухсотлетие: праздник на виноградниках в горах Серрании-де-Ронда, трёхдневное торжество для трёх сотен гостей со всей Европы. Хлоя, звонившая каждое утро, называла это "главным делом года".

Лусия вставала в шесть, ехала в горы, ходила по виноградникам с блокнотом и рулеткой. Вокруг тянулись ряды лоз, тяжёлых от гроздьев, под ногами хрустела красная земля, воздух пах нагретой лозой и дымом. Хозяева, старая семейная пара, встретили её как родную: поили вином, кормили сыром и сушёными фигами, рассказывали истории про деда, который привёз сюда первые саженцы из Франции.

- Мы хотим, чтобы праздник был не показным, - сказала хозяйка, сухая смуглая женщина в соломенной шляпе. - Чтобы гости чувствовали землю.

- Босиком, - сказала Лусия.

- Что?

- Пусть ходят босиком. Первый вечер: сбор винограда на закате, как на старых праздниках. Потом ужин на столах прямо между рядами лоз.

Хозяйка прищурилась, потом вдруг засмеялась хриплым, молодым смехом.

- Вы мне нравитесь, сеньорита. Делайте, как говорите.

Вечерами Лусия возвращалась домой уставшая, пропахшая дымом и виноградным соком, с красной пылью в волосах. Диего встречал её на пороге с бокалом холодной воды и полотенцем, вёл в ванную, пускал воду, и пока она отмокала, готовил ужин. Они ели, разговаривали, смеялись, и она с благодарностью думала, что дом, оказывается, не только место, но и ритм.

Он был идеальным партнёром: внимательным, нежным, уважительным. И всё же, когда она вспоминала тот телефонный звонок, тот серебристый автомобиль, в груди вспыхивала крошечная ледяная искра. Она гасила её усилием воли, повторяя: "Он расскажет".

***

В четверг Диего пришёл домой поздно. Лусия уже лежала в постели с книгой, когда услышала внизу шаги, звон ключей, шорох пиджака. Она подождала. Он поднялся, тихо открыл дверь, увидел, что она не спит, и улыбнулся.

- Ты не спишь?

- Читаю.

- Прости, задержался.

- Как встреча?

- Долго. Партнёры.

- Какие партнёры?

Он снял пиджак, повесил на спинку стула, и этим коротким жестом выиграл три секунды.

- Мы с Рафаэлем и ещё несколькими людьми обсуждали расширение. Новый ресторан в Малаге.

- Понятно.

- Я собирался рассказать тебе на выходных.

- Конечно.

- Лусия...

- Что?

- Ты как-то странно смотришь.

- Как?

- Как будто ждёшь, что я скажу что-то ещё.

Она закрыла книгу, положила на тумбочку.

- А ты скажешь?

Он сел на край кровати, потёр лицо ладонями.

- Давай не сегодня. Я устал.

- Хорошо.

- Правда?

- Правда. Но, Диего, помнишь наш уговор? Про прозрачность.

- Помню.

- Тогда скажи когда будешь готов. Только не затягивай.

- Обещаю.

Он поцеловал её, лёг, выключил лампу. Она лежала в темноте и слушала, как он дышит, как ровно, слишком ровно, словно человек, который не спит и притворяется спящим. Потом он тихо взял её за руку, и она ответила на пожатие. Оба молчали, и это молчание было таким же плотным, как ночь за окном.

***

Утром в пятницу позвонила мать. София звонила редко и всегда в одно и то же время, ровно в девять, когда, по её расчётам, дочь уже пила кофе, но ещё не ушла на работу. Лусия вышла с телефоном на террасу и села на ступеньки.

- Ты не спишь, - сказала София вместо приветствия.

- Мама, девять утра.

- Голос усталый.

- Я работаю.

- Ты влюблена и работаешь. Это тяжёлое сочетание.

- Откуда ты знаешь?

- Я твоя мать.

Лусия засмеялась. На том конце провода зазвенела посуда, тихо зашумело радио, и ей на мгновение захотелось оказаться в Севилье, на той маленькой кухне, где пахнет жареным миндалём и где всегда есть тарелка с хлебом и сыром.

- Как Диего? - спросила мать.

- Хорошо.

- Это не ответ.

- Он... учится.

- Всё ещё?

- Всегда. Как и я.

- Так и должно быть. - Голос матери смягчился. - Только помни, дочка: любовь - это не когда всё гладко. Это когда ты видишь неровности и не отворачиваешься.

- Я не отворачиваюсь.

- Тогда я спокойна. Приезжай, когда сможешь. Я испеку тот пирог.

- Приеду. После свадьбы Кармен.

- Передай ей мои поздравления. И скажи, пусть не слушает чужих советов.

- Передам.

Она положила трубку и сидела, глядя на сад. Слова матери казались простыми, почти банальными, но почему-то именно сейчас задели что-то глубоко внутри. "Неровности, и не отворачиваться". Она поняла, что именно этому ей предстоит учиться: не убегать от трещин, а рассматривать их, дотрагиваться, спрашивать.

***

Субботним утром, пока Лусия проверяла сметы на террасе, Диего вышел к ней с двумя чашками и толстой папкой под мышкой. Он выглядел бодрым, посвежевшим, и она с радостью отметила, что тени под глазами исчезли.

- У меня идея, - объявил он.

- Звучит опасно.

- Отпуск. Две недели. В сентябре.

- Куда?

- Сюрприз.

- Диего.

- Хорошо, подсказка: там море, горы и никого, кто знает наши имена.

- Это Менорка?

- Нет.

- Корсика?

- Холодно.

- Сардиния?

- Лусия, это сюрприз.

Она отложила бумаги и посмотрела на него внимательно. Он держал папку обеими руками и чуть заметно улыбался, как мальчик, принёсший домой хорошую оценку.

- Ты уже всё забронировал?

- Почти.

- То есть билеты куплены?

- Ну... да.

- Когда?

- Вчера.

- На какие даты?

- С пятого по девятнадцатое сентября.

Лусия поставила чашку.

- Диего. Двенадцатого сентября свадьба Кармен.

Он осёкся. Папка опустилась ему на колени.

- Что?

- Двенадцатого, в Ронде. Я организатор. Я записала дату в блокнот при тебе, за этим самым столом.

- Я забыл.

- Ты забыл.

- Лусия, прости. Я не подумал.

- Не подумал. - Она встала, прошлась по террасе, остановилась у перил. Голос её оставался ровным, но пальцы, сжимавшие дерево, побелели. - Ты купил билеты на две недели, не спросив меня. И на даты, когда я не могу.

- Я хотел сделать сюрприз.

- Сюрприз, это когда ты устраиваешь праздник. А когда решаешь за меня, это называется иначе.

- Я не решал за тебя.

- Ты купил билеты. На мои две недели. Не спросив, свободна ли я.

***

Первая ссора в новом доме случилась без криков. Именно это почему-то пугало больше всего. Они говорили тихо, взвешивая каждое слово, как люди, идущие по тонкому льду, и в этой сдержанности чувствовалась накопившаяся за две недели напряжённость.

- Ты права, - сказал Диего, помолчав. - Я должен был спросить.

- Да.

- Я исправлю. Позвоню, отменю.

- Дело не только в билетах.

- А в чём?

Она обернулась.

- В том, что ты как будто живёшь в двух режимах. В одном ты нежный, внимательный, смешной, мой Диего. В другом - человек, который что-то решает за стеной. Тайно. Быстро. Без меня. Я не понимаю, откуда этот второй режим.

- Лусия, это не...

- Подожди. Я не обвиняю. Я говорю то, что вижу. Телефон, который ты переворачиваешь экраном вниз. Люди из Мадрида. "Поставщик на серебристой машине". А теперь билеты.

- Ты слышала разговор?

- Нет. Только конец.

Он закрыл глаза, потёр переносицу.

- Хорошо. Давай по-честному. К нам действительно приезжал человек из Мадрида. Мне предложили партнёрство в сети отелей. Очень большое. Я не отказал. Не согласился. Просто думаю.

- А "сеньора Кортес"?

Тишина. Тихая, звонкая, как натянутая струна.

- Откуда ты знаешь про неё?
- Я слышала фамилию.
- Это Марина.
- Я догадалась.
- Она финансирует проект. Через свой фонд.
- Марина.
- Лусия, пожалуйста...
- Я просто хочу понять, Диего. Почему ты не рассказал?
- Потому что знал, как ты отреагируешь.
- Как?
- Так. Вот так. Холодно. С подозрением.
- Это не подозрение. Это боль от того, что мне пришлось узнавать самой.

Он молчал. Она видела, что в нём борются раздражение и вина, и ждала, не вмешиваясь. Наконец он выдохнул.

- Ты права. Опять. Это не оправдание, но я боялся, что любое упоминание Марины превратится в сцену.
- А теперь это не сцена?
- Теперь это разговор.
- Тогда давай говорить.

***

Они проговорили до позднего вечера. Сидели на ступеньках террасы, пока солнце не опустилось в море и не загорелись звёзды, и Диего рассказывал всё: о том, как Марина после Майорки позвонила и предложила встретиться; как они обсуждали проект, о котором он думал давно; как он колебался, потому что понимал, что это значит для них обоих. Он не лгал, не выкручивался, не смягчал. Лусия слушала молча, и постепенно что-то внутри неё распускалось, как стянутый узел.

- То есть ты не хочешь с ней работать? - спросила она.
- Хочу. Проект хороший. Но не с ней одной. Я предложил привлечь ещё партнёров, юристов, независимого управляющего. Чтобы всё было прозрачно.
- И она согласилась?
- Нет. Сказала, что подумает.
- Это хороший знак?
- Не знаю.
- А ты?
- Что я?
- Ты хочешь работать с Мариной?

Он помолчал.

- Мне не хочется терять то, что мы с тобой построили. Не хочется, чтобы что-то встало между нами. Но и отказываться от возможности из-за страха мне тоже не хочется.
- Это честный ответ.
- Это единственный.

Она подтянула колени, положила на них подбородок.

- Я не против, чтобы ты работал с ней. Я против молчания. Если мы будем так жить, рано или поздно мы разучимся разговаривать.
- Не разучимся.
- Обещай.
- Обещаю.
- И билеты отмени.
- Отменю.

- Нет. Передвинь. Давай уедем после свадьбы. Двадцатого.

Он засмеялся, и в этом смехе она услышала облегчение.

- Хорошо. Двадцатого.

***

Они мирились долго, медленно, как мирятся люди, которым не хочется терять ни одной секунды. Сначала просто сидели, прижавшись плечами. Потом он взял её руку и поцеловал каждый палец. Потом она повернулась к нему лицом, и он провёл пальцами по её щеке, по шее, по ключице, и она невольно выгнулась навстречу.

- Пойдём наверх, - прошептала она.

- Здесь теплее.

- Здесь соседи.

- Какие соседи? Только цикады.

- Они болтливые.

Он поднял её на руки и понёс в дом, через тёмную гостиную, вверх по лестнице, мимо коробок, всё ещё стоявших в коридоре. В спальне горела лишь одна лампа, и свет её ложился на стены тёплым янтарём. Он опустил Лусию на кровать, склонился над ней. Её пальцы нашли пуговицы его рубашки, и ткань упала, обнажив загорелую грудь. Он стянул с неё платье, медленно, как разворачивают подарок, и Лусия, оставшись нагой, чувствовала на коже его взгляд и тёплые ладони, скользящие вдоль рёбер, талии, бёдер.

- Ты на меня сердишься? - спросил он тихо.

- Уже нет.

- Правда?

- Правда.

- Тогда позволь мне загладить вину.

- Попробуй.

Он целовал её медленно, настойчиво, каждый изгиб, каждую впадинку, и она запрокидывала голову, вцепляясь пальцами в простыню. Его губы спускались ниже, вниз по животу, к внутренней стороне бёдер, и она шептала его имя, тихо, прерывисто, пока по телу не прокатилась первая сладкая волна. Он поднялся к ней, обнял, вошёл в неё одним плавным движением, и она вскрикнула, обхватив его ногами. Они двигались вместе, всё быстрее, всё глубже, и воздух в комнате стал густым, как мёд. Она чувствовала, как напряжение собирается внизу живота, как нарастает жар, как мир сжимается до его глаз, до его дыхания. Когда она достигла вершины, то крикнула его имя, дрожа всем телом, и он, не отпуская её, последовал за ней, содрогаясь, уткнувшись лицом в её шею.

Потом они лежали молча. Лусия водила пальцем по его груди, рисуя невидимые узоры, а он перебирал её волосы.

- Прости, - сказал он наконец.

- Знаю.

- Я постараюсь.

- Знаю.

- Но я могу снова сорваться.

- Конечно. Все срываются. Главное, чтобы мы потом говорили.

- Всегда будем.

Она улыбнулась в темноте и закрыла глаза. Но уже засыпая, вдруг вспомнила слова, сказанные им на террасе: "Мне не хочется терять то, что мы построили". И ей показалось, что за этими словами стоит что-то ещё, неназванное, невысказанное, как тень за прозрачной занавеской. Она не стала гнаться за этой мыслью. Просто позволила сну забрать её. Завтра будет новый день, и в нём, возможно, найдётся ответ.

Глава 3. Марина возвращается

Марина Кортес вошла в их жизнь во второй раз тем же способом, что и в первый: без стука, с идеальной улыбкой и ощущением, что дверь была открыта заранее. Это случилось в среду, в конце августа, в ресторане Диего, куда Лусия заехала после работы, чтобы вместе поужинать.

Она увидела их с порога. В глубине зала, за угловым столиком у окна, сидели двое: Диего, в светлой рубашке с закатанными рукавами, и Марина, в тёмно-зелёном платье, с распущенными волосами, которые лежали на плечах тяжёлой блестящей волной. Между ними лежали папки, ноутбук, стопка бумаг. Они склонились друг к другу, разглядывая какой-то чертёж, и со стороны выглядели людьми, которые давно привыкли работать вместе.

Лусия остановилась у входа. Метрдотель, молодой парень с белоснежной улыбкой, шагнул было к ней, но она покачала головой и осталась стоять, наблюдая. Не из ревности. Из желания увидеть то, что обычно скрыто: как они разговаривают, когда считают, что за ними никто не следит.

Они разговаривали обычно. Деловито. Марина что-то показывала карандашом на плане, Диего кивал, делал пометки. Раз она рассмеялась, и он улыбнулся в ответ. Раз он коснулся её руки, чтобы остановить, и тут же убрал ладонь. Ничего особенного. Но Лусия заметила то, что не могла не заметить: Диего был спокоен. Не напряжён, не виноват, не насторожён. Он просто работал.

И это почему-то обеспокоило её больше, чем если бы он нервничал.

- Лусия!

Марина первой увидела её, помахала рукой, и Диего, обернувшись, на мгновение застыл с карандашом в пальцах. Лусия прошла через зал, держа лицо спокойным, как хорошо отполированный камень.

- Привет.

- Привет, дорогая. - Марина поднялась, поцеловала воздух возле щеки. - Как приятно тебя видеть. Мы как раз закончили.

- Я не помешала?

- Что ты. Присоединяйся.

- Я пришла поужинать.

- Тогда мы все ужинаем, - сказал Диего, быстро встав и подвигая ей стул. - Лусия, ты что хочешь?

- Что-нибудь лёгкое.

- Сейчас.

Он исчез в кухне, и они остались вдвоём. Марина мягко села, скрестила ноги, сложила ладони на папке.

- У вас прекрасный дом, как я слышала.

- Спасибо.

- Диего говорил. Он много о нём рассказывает.

- Правда?

- Да. Говорит, что наконец-то чувствует себя дома.

Лусия не ответила. Она смотрела на женщину напротив, на безупречный макияж, на тонкие запястья, на золотой браслет, и пыталась понять, что в этой любезности кажется ей неправильным. Не слова, не тон. Скорее уверенность, спокойная, как у человека, который уже получил то, чего хотел, и теперь может позволить себе доброту.***

Ужин получился странным. Они сидели втроём за столом, и Диего, поначалу напряжённый, постепенно расслабился, разливал вино, рассказывал забавные случаи из ресторанной

жизни. Марина смеялась, вставляла остроумные реплики. Лусия улыбалась, кивала, отвечала на вопросы, и всё было безупречно вежливо. Но под этой вежливостью шла невидимая работа: оценка, взвешивание, молчаливые вопросы.

- Лусия, - сказала Марина за десертом. - У меня к вам обоим предложение.

- Слушаю, - ответила Лусия.

- В следующую пятницу я устраиваю приём в галерее. Закрытый показ новой коллекции, потом ужин. Будут инвесторы, коллекционеры, пара журналистов. Мне хотелось бы, чтобы вы пришли оба.

- Мы?

- Ты и Диего. Как пара.

- Как пара, - повторила Лусия.

- Да. Мне важно, чтобы люди видели, что наш проект поддерживают те, кто рядом с ним.

- Проект.

- Отели. Диего, разве ты не рассказывал?

Диего, державший бокал, поставил его на стол.

- Я рассказал, что мы обсуждаем.

- Мы почти договорились.

- Мы ничего не подписали.

- Это формальность.

Лусия перевела взгляд с одной на другого. В воздухе повисла тонкая, почти физическая пауза.

- Я бы хотела узнать подробности, - сказала она ровно.

- Конечно, - улыбнулась Марина. - Диего расскажет.

- Я расскажу, - подтвердил Диего.

- Но не сегодня. - Марина взглянула на часы. - Мне пора, у меня встреча. Спасибо за ужин. И за вино.

Она встала, взяла сумку, поцеловала воздух возле щёк обоих и вышла, оставив за собой лёгкий запах жасмина и ощущение, что ровно столько, сколько нужно, она и хотела сказать.

- Лусия.

- Да?

- Ты злишься?

- Нет.

- Ты уверена?

- Я не злюсь. Я просто пытаюсь понять, что только что произошло.

- Ничего. Деловой ужин.

- Она пригласила нас обоих. "Как пару". И сказала, что вы почти договорились.

- Это её формулировка. Я ничего не обещал.

- Знаю. Но она говорит так, будто всё решено.

Диего вздохнул, потёр затылок.

- Это её стиль. Она давит, чтобы проверить, поддамся ли я.

- А ты?

- Я не поддамся.

- Хорошо.

Она взяла бокал, сделала глоток. Вино показалось ей резким, почти горьким.

***

Следующие дни прошли в том напряжённом спокойствии, которое бывает перед грозой. Лусия работала с утра до ночи, готовя праздник на виноградниках. Диего пропадал в ресторане и на каких-то встречах, возвращался поздно. Они виделись в основном по вечерам, за ужином или в постели, и разговаривали о чём угодно, кроме одного.

В пятницу утром Кармен приехала снова, на этот раз с двумя сумками и дорожным чемоданом.

- Я поживу у вас пару дней, - объявила она с порога.

- Что случилось?

- Ничего. Матео уехал на фестиваль в Гранаду, а я не люблю пустую квартиру. Пустишь?

- Конечно.

Они устроились на террасе с кофе и сигаретами, которые Кармен курила только когда нервничала. Лусия рассказала ей про ужин, про Марину, про приглашение. Кармен слушала молча, глядя на дым, медленно уходящий в небо.

- Ты думаешь, она его хочет? - спросила она наконец.

- Не знаю.

- Что говорит интуиция?

- Что она хочет что-то. Но не знаю что.

- Это уже ответ.

- Это ничего не значит.

- Лусия. - Кармен затушила сигарету. - Ты умная женщина. Ты не станешь ломать отношения из-за подозрения. Но и закрывать глаза тоже не станешь.

- Я пытаюсь найти середину.

- Знаешь, что я бы сделала?

- Что?

- Пошла бы на этот приём. В самом красивом платье. И посмотрела бы, как они себя ведут.

- Следить?

- Наблюдать. Это разные вещи.

Лусия подумала, потом кивнула.

- Хорошо. Пойду.

- Вот и умница. Только не надевай слишком скромное. Пусть видит, что ты не боишься.

- Что-то слишком часто мне это советуют.

- Потому что это правда.

***

К галерее они подъехали в девять вечера. Лусия выбрала платье цвета тёмного граната, длинное, с глубоким вырезом на спине и разрезом до колена. Волосы убрала в низкий узел, на шею надела простую золотую цепочку, а в уши серьги с жемчугом, подарок матери. Диего, в тёмном костюме, с белой рубашкой без галстука, смотрел на неё в машине такими глазами, что она ощутила, как краснеет.

- Ты потрясающая.

- Это платье.

- Нет. Это ты.

- Ты слишком часто это говоришь.

- Потому что слишком часто это правда.

Галерея Кортес, залитая мягким светом, гудела от голосов. Сотни людей двигались между белыми колоннами, держа бокалы с шампанским, обсуждая картины, улыбаясь и перешёптываясь. Марина встретила их у входа, в чёрном платье с открытыми плечами, с алой помадой, и сразу взяла Диего под руку.

- Прекрасно, что вы пришли. Идём, я представлю вас людям.

Следующий час прошёл в калейдоскопе знакомств. Лусия улыбалась, пожимала руки, запоминала имена, и невольно отмечала, как Марина водит Диего от группы к группе, как представляет его: "мой партнёр", "человек, с которым мы строим будущее". Слова были невинными, но интонация выдавала что-то больше. Лусия держалась рядом, не отходя, и когда кто-

то из гостей с интересом спрашивал: "А это ваша жена?", Марина мягко отвечала: "Это Лусия, его подруга".

Подруга.

Лусия не изменилась в лице. Только сжала бокал чуть сильнее и сделала вид, что рассматривает картину на стене.

- Прошу прощения, - сказала она в какой-то момент. - Мне нужно выйти.

- Я с тобой, - сразу сказал Диего.

- Нет, останься. Я скоро.

***

Терраса галереи выходила на тихий дворик с фонтаном и старой шелковицей. Здесь было прохладнее, пахло мокрым камнем и ночными цветами, и шум приёма доносился приглушённо, как далёкий прибой. Лусия села на каменную скамью, поставила бокал рядом и закрыла глаза. Сердце колотилось, но не от гнева. Скорее от усталости.

"Подруга, - думала она. - Ну и пусть. Слово ничего не значит. Но почему оно так задело?"

Ответ был простым и неприятным. Потому что Марина сказала его не случайно. Потому что любое слово, произнесённое этой женщиной, было выверено, как ход в шахматной партии, и сказано в расчёте на то, чтобы Лусия услышала.

- Не помешаю?

Лусия открыла глаза. Марина стояла в нескольких шагах, держа в руках два бокала. Без улыбки, без позы, просто стояла, и в свете фонаря лицо её выглядело усталым и странно беззащитным.

- Нет.

- Я принесла вам воды. Шампанское, наверное, уже надоело.

- Спасибо.

Марина села на другой край скамьи и, помедлив, сказала:

- Простите за "подругу". Это было неуместно.

- Вы сказали это нарочно.

- Да.

Лусия повернулась к ней, удивлённая прямотой.

- Зачем?

- Хотела посмотреть, как вы отреагируете.

- И как?

- Лучше, чем я рассчитывала. Вы молча ушли. Многие бы закатили сцену.

- Я не закатываю сцен.

- Я заметила.

Они помолчали. Из зала донёсся смех, зазвенели бокалы. Над двориком шелестела листва.

- Я не враг вам, Лусия, - повторила Марина слова, сказанные летом на пляже. - Но и не друг. Я человек, который слишком долго был одним из самых близких Диего, и привык к определённому положению. Мне непросто видеть, что оно изменилось.

- Вы его любите?

- Не так, как вы думаете.

- А как?

- Как любят человека, которого знали до того, как он стал собой. - Марина посмотрела на фонтан. - Мы вместе прошли многое. Я видела, как он терял отца. Как терял Изабель. Как строил всё с нуля. Я была рядом. А теперь рядом вы. И я не знаю, где моё место.

- Рядом. Но не вместо.

- Я знаю.

- Тогда зачем эти игры?

- Привычка. - Марина горько усмехнулась. - Я всю жизнь привыкла контролировать то, что мне дорого. Вы, наверное, понимаете.

- Понимаю лучше, чем вам кажется.

Марина повернулась к ней.

- Диего изменился. Вы это сделали. Я вижу. И я благодарна. Но... - она запнулась, - но предупреждаю: он научился говорить правильные слова. Научился слушать. Но привычка прятать то, что тревожит, осталась. Он не лжёт. Он просто не договаривает.

- Зачем вы мне это говорите?

- Потому что вы заслуживаете знать.

Она встала, оправила платье, добавила тише:

- Проект с отелями серьёзный. Больше, чем он вам рассказал. Он хочет вложить почти всё, что у него есть. Спросите его об этом.

И ушла, оставив Лусию наедине с шелестом шелковицы и неожиданно ясным, холодным ощущением: она только что получила не удар, а подарок. Страшный, но подарок.

***

Остаток вечера прошёл как в тумане. Лусия вернулась в зал, улыбалась, разговаривала, пила воду вместо шампанского. Диего несколько раз находил её взглядом, и она отвечала ему улыбкой, но чувствовала, что он видит: что-то изменилось. К одиннадцати они уехали.

В машине было тихо. Огни Марбельи скользили по стёклам, как ленты. Диего вёл молча, лишь раз бросил на неё взгляд, словно хотел что-то сказать, и передумал. Лусия смотрела в окно и мысленно перебирала фразы. Ни одна не годилась.

Дома она сбросила туфли у лестницы и прошла на террасу. Ночь стояла тёплая, безветренная, над морем висела бледная луна, и казалось, что воздух звенит от тишины. Диего вышел следом, остановился в дверях.

- Лусия.

- Да.

- Ты весь вечер молчала.

- Я думала.

- О чём?

Она повернулась. Лунный свет падал на её лицо, и Диего увидел в нём не гнев, не обиду, а ту особую собранность, которая появлялась у неё, когда она принимала решение.

- Диего, я хочу задать тебе прямой вопрос. Ответь, пожалуйста, так же прямо.

- Хорошо.

- Что было между тобой и Мариной?

Он не отвёл глаз, но она увидела, как напряглись плечи.

- Я рассказывал. Один раз, много лет назад.

- Рассказывал. Но не всё.

- Что ты имеешь в виду?

- Я имею в виду, что она знает тебя слишком хорошо. Говорит о тебе как о человеке, которого считает своим. Пытается встать между нами, то ли нарочно, то ли нет. И мне нужно понять: это только прошлое или есть что-то ещё?

- Нет ничего ещё.

- Точно?

- Лусия, клянусь. С того единственного раза, ни разу. Ни намёка, ни прикосновения, ничего.

- Но она хочет.

- Не знаю.

- Знаешь.

Он молчал. Потом выдохнул, прошёл через террасу и сел на каменный парапет.

- Знаю, - сказал тихо. - Чувствую. Иногда. Она никогда не говорила прямо, но я вижу, как она смотрит. Как будто выжидает.

- И ты ничего не делаешь?

- Я стараюсь держать дистанцию. Но проект...

- Проект. - Лусия подошла ближе. - Вот про него я и хочу спросить. Марина сказала, что ты вкладываешь почти всё, что у тебя есть. Это правда?

- Откуда ты...

- Это правда?

Он потёр лицо ладонями. Когда опустил руки, лицо его было усталым, но странно облегчённым, как у человека, которого наконец загнали в угол и тем самым освободили.

- Да. Правда. Я собирался вложить в проект ресторан и часть сбережений. Это большой риск.

- Почему ты мне не сказал?

- Потому что боялся.

- Чего?

- Что ты решишь, будто я рискую нашим домом. Нашим будущим. И уйдёшь.

- Диего.

- Я знаю, что глупо.

- Глупо, - согласилась она. - Потому что именно из-за молчания я бы и могла уйти. А не из-за риска.

Он поднял на неё глаза.

- Правда?

- Правда. Я не боюсь риска. Я боюсь тайн.

***

Они сели рядом на каменный парапет, как садились в тот первый вечер на скале над Ибицей, и Диего начал рассказывать. Всё, что скрывал. Как в Мадриде впервые увидел цифры: бюджет в семь раз больше всего, что он когда-либо делал. Как впервые ощутил страх. Как не знал, с кем поделиться, и пошёл к Марине, потому что она была единственным человеком, понимающим язык больших денег. Как они вдвоём всё просчитали, как она предложила стать партнёром, как он отказался, а потом сомневался.

- И ты думал, что я не пойму?

- Я думал, что ты расстроишься.

- Из-за денег?

- Из-за того, что я иду на риск, не посоветовавшись.

- Диего. - Лусия повернулась к нему. - Я не хочу, чтобы ты советовался со мной обо всём. Я хочу, чтобы ты не прятал. Это разные вещи.

- Теперь понимаю.

- Ещё не до конца. - Она улыбнулась печально. - Мне тоже непросто. Я привыкла жить сама по себе. Когда мы вместе, я иногда ловлю себя на желании запереться в кабинете и ни с кем не говорить. И тогда мне хочется, чтобы ты не обижался.

- Я не обижаюсь.

- Обижаешься. Просто не показываешь.

- Немного.

- Вот видишь. Мы оба учимся.

Она положила голову ему на плечо. Над морем висела луна, дорожка света бежала по воде от горизонта к самому берегу.

- Что ты решил с проектом?

- Не знаю.

- А если мы решим вместе?

- Вместе?

- Ты расскажешь мне все цифры, все условия, все риски. Мы сядем за стол и обсудим. Я не финансист, но умею задавать вопросы. И если решишь вкладывать, я хочу знать, во что.

- Согласен.

- И Марина.

- Что с ней?

- Либо она остаётся деловым партнёром и ничем больше, либо проект без неё. Решение твоё. Но я хочу, чтобы ты знал мои границы.

- Знаю.

- Хорошо.

Они сидели, пока луна не поднялась высоко, а в доме не погасли все огни, кроме одной лампы в прихожей. Диего обнял её, и она почувствовала, как отпускает внутри что-то старое, затёртое, как узел, завязанный много лет назад. Но ночью, уже лёжа в постели, она вдруг подумала: Марина сказала правду. Только зачем? Подарок это был или ход? И что она хочет получить взамен?

Ответа не было. Только тихое дыхание Диего рядом и далёкий шум прибоя за открытым окном.

Глава 4. Невысказанное

Утро после ночных разговоров оказалось прозрачным и хрупким, как стекло. Лусия проснулась рано, лежала с закрытыми глазами и слушала: далёкий шум прибоя, возню птиц в апельсиновых ветвях, скрип половиц внизу. Диего уже встал. Из кухни доносился запах кофе, но звуков готовки не было, и она поняла, что он стоит у окна и думает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.